

**ГИБРИДНОСТЬ ЖАНРА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА:
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ**

Основатель жанра исторического романа – британский романист Вальтер Скотт – считал, что задачи автора исторического романа схожи с задачами историка, он приравнивал исторический роман к историческому труду. Со времен скоттовских романов прошло много времени, жанр претерпел измерения, но вопрос связи истории и литературы в рамках исторического романа остается открытым.

Полное отождествление исторических работ и исторического романа не представляется целесообразным, однако жанровая природа исторического романа неразрывно связана с развитием истории как науки и с подходами к пониманию исторического процесса. Этот жанр за свою более чем двухвековую историю переживал и взлеты, и падения, и сейчас отмечается возрастающий интерес к историческому роману как со стороны писателей, так и читательской аудитории. Современные авторы, заслужившие литературные премии и мировое признание, имеют высокую степень эрудиции, и их поприще, связанное с историческим романом, требует от них знаний не только относительно описываемой исторической эпохи, но и знаний в области методологии и философии истории.

Автор исторического романа, как и историк, смотрит на историю в перспективе настоящего времени – своей современности, благодаря чему достигается обращенность в прошлое при обязательном присутствии настоящего в нем – то, что исследователи исторического романа называют «сопряженность времен» (Т. Е. Комаровская). Как и современный историк, писатель интерпретирует историческое прошлое.

Историки так же, как и писатели, прибегают к форме повествования, когда создают исторические труды о событиях и персоналиях минувших лет. Но если историк реконструирует прошлое по сохранившимся ориентирам, то автор исторического романа еще и заполняет те лакуны, которые реконструкции не подлежат. Он балансирует между прошлым и настоящим, зачастую принимая настоящее за модель для реконструкции прошлого (Ю. С. Райнеке).

В то время, как в истории все большее значение получает интерпретация фактов, в историческом романе повышается роль вымысла – та часть произведения, которая отсутствует в науке. Вымысел используется также для более полноценной интерпретации исторического контекста и отражения авторского видения, что представляет собой самоценность произведения. Эта тенденция свидетельствует о повышении уровня аналитичности жанра, а также его интеллектуализации (Т. Е. Комаровская).

Успех пришел к Хилари Мантел достаточно поздно. Попытки писательницы опубликовать первый исторический роман «Сердце бури» («A Place of Greater Safety», 1992) оказались тщетны, и, несмотря на то, что роман был завершен еще в 1979 году, он вышел в свет только через тринадцать лет и заслужил свое признание. Издательства долгое время отказывались принимать роман в печать, так как жанр исторического романа и сюжет о Французской революции ассоциировались с любовными историческими романами, с несерьезной массовой литературой, фокусирующейся на романтизации исторического прошлого и любовных интригах. Но в 2009 году после публикации романа «Вулфхолл» кропотливые усилия и талант писательницы были замечены, после чего с этого жанра убрали клеймо несерьезности.

Guardian назвала исторический роман Х. Мантел «Вулфхолл» («Wolf Hall», 2009) самым великим романом XXI в., что указывает на беспрецедентное место этого жанра в современном литературном каноне и в каком-то смысле – на «пик» зрелости исторического романа. «Вулфхолл» – первая часть трилогии о Томасе Кромвелле, первом советнике короля Англии Генриха VIII. В романе описывается знаменитый эпизод истории, в котором Генрих требует развод с Екатериной Арагонской, в чем Кромвель смог ему помочь. Следствием этого развода стала Английская Реформация и создание Англиканской церкви. В представлении этой истории центром обычно становились либо король Англии Генрих, либо его любовница и затем вторая жена Анна Болейн. Мантел предложила читателям новую перспективу рассмотрения этих событий. Историческая фигура Томаса Кромвеля считается весьма противоречивой: одни критики называли его «идеальным государственным деятелем», другие же – «самым коррумпированным канцлером» или даже «скользким садистом». Версия Кромвеля от Х. Мантел – это совершенно новый взгляд на самого близкого служащего Генриха VIII.

Автор романа поделилась в интервью следующей точкой зрения на историю: “History is a process, not a locked box” (H. Mantel). Под этим она подразумевает, что история представляет собой многоаспектный процесс, на который повлияли многие факторы, и она может быть рассмотрена с разных

точек зрения. Эта установка идет вразрез с предыдущими мыслями писателей и историков XIX в., согласно которым, история – это запечатленные люди и события, которые не могут иметь разные прочтения.

В конце романа автор упоминает личности тех людей, которые помогли ей в написании истории о Томасе Кромвеле. Это имена исследователей Мэри Робертсон, Кристофера Хейга, Джудит Флендерс и многих других историков, которые давали ей профессиональные советы касаясь изображения исторических реалий. Также автор романа признается, что провела много времени в поисках источников в Британском музее. Мантел имеет степень бакалавра права, что дало ей очередное преимущество, ведь Томас Кромвель написал большое количество законов тюдоровской Англии.

Помимо грандиозной работы по изучению разносторонней истории отображаемого периода, как часть авторского видения истории, Х. Мантел показывает тесную связь истории с памятью: с этой целью она вовлекает в художественную ткань произведения несколько мнемонических методик (это «театр памяти» Камилло и «метод локусов» Цицерона), с которыми писательница познакомилась в работе английского историка Фрэнсиса Йейтса «Искусство памяти» («The Art of Memory», 1966). Благодаря такому приему автор показывает всевластие метанарратива. В данном случае под метанарративом мы понимаем термин, используемый постмодернистами для обозначения систем мифов и идей, которые поддерживают социальные отношения в обществе и формируют основу его легитимности. В романе Кромвель практикует мнемоническую технику Камилло, и для этого визуализирует крушение здания в тот момент, когда он из него уже вышел. После крушения (обвала крыши) он вспоминает воображаемый пир, который там проходил, и «вспоминает» людей, которые на нем были, где и с кем они сидели, за каким столом. Этим эпизодом иллюстрируется власть Кромвеля над тем, как пишется история (как говорил Черчилль, «историю пишут победители»): история запоминается по воспоминаниям тех, кто «выжил», кто остался при власти. К слову, исследователи отмечают, что художественный мир романа «Вулфхолл» представлен через метафору театра (S. O'Connor, M. A. Дезорцева). Мантел делает вывод, что история – это политическое творение, чья цель – оправдывать нынешний порядок вещей.

Помимо этого Мантел органично включает в роман три системы ценностей: это мораль средневековья, Ренессанса и нашей современности. Связано это с тем, что Кромвель живет в переходную эпоху, когда Англия переходит от средневековья к Возрождению. И хотя Кромвель – человек своего времени, он также имеет характеристики «человека Ренессанса»: это заметно по его уважительному отношению к другим персонажам, по складу ума героя, по его разносторонним навыкам и знаниям. Современная система ценностей наблюдается по дихотомии добра и зла. Так, Кромвель охарактеризован неоднозначно, указаны как положительные качества героя (склад ума, обширные знания и любознательность, трудолюбие), так и «темная» сторона его личности (жестокость, расчетливость). Современный читатель имеет право на самостоятельную оценку героя.

В заключение, можно сказать, что исторический роман имеет много общего с историей, что благотворно влияет на его жанровую природу. Однако сейчас исторический роман и история одновременно максимально близки и далеки друг от друга, и ценность исторического романа лежит именно в его различии с историей, ибо при помощи воображения, оригинальной авторской обработки исторического материала достигается полноценное видение, идея, имеющая множество возможных интерпретаций и помогающая осмыслить нынешнюю действительность. В этом и сила литературы, ведь именно художественные произведения, а не исторические исследования, способны объединить нацию и придать ей особое значение, ровно, как и разъединить людей и подорвать авторитет власти. Настала смена авторитетности исторического романа: жанр прошел долгий путь от дамских романов, вводящих в заблуждение госпожу Бовари, до лучших классических книг современности.